

Дорогой Анатолий Иванович!
 Вы делаете огромное дело. У Вас есть собственная индивидуальность в стиле и сюжетах Вашей живописи. Вы богатырь до Ватак и по дарованию. Ваша кисть - копьё в руках Пересвета. Спасибо Вам. Ваш Д. Лихачев
 25.08.87.

Д Я Г И Л Е В

Как-то летом, когда после многодневного зноя за окном восемнадцатого этажа загудел свежий ветер, в дверь мастерской требовательно постучали. "Старик! - воззвал мой сосед Дягилев, - немедленно выходи!" Его тон не допускал коле-

баний, и я, хоть и несколько озадаченный, пошел за ним на общий эвакуационный балкон.

Вышел - и ахнул: над Заволжьем и во всю небесную ширь вздымалась немыслимой красоты и грязного величия туча. Под ней уже шелестели первые молнии, а она, клубясь и разворачиваясь, походила на еще не написанный Бахом могучий хорал... "Старик, - сказал Дягилев, - я тебе это дарю..."

От кого еще можно услышать такое? Возвращаясь из любимой Садовки, он может нести, как драгоценность, пламенную рябиновую ветку или букетик скромнейших полевых цветов. Боготворящий Природу (именно с большой буквы; любой выезд из города он называет "поклониться Ее Величеству"), в такие минуты он проходит живым укором нашей слепой суеде в лабиринте бетонных стен.

Вот и его полотна, то гремящие драмой тональной мощи, то звенящие перламутровой свирелью, часто убивают напрочь висающие рядом работы иных коллег. Он - живописец от Бога, и цвет для него нечто столь же живое и близкое, как его дочери, Лена и Марина ("вавахи, как прозвал он их в

розовой рассветной рекой.

Вот и пейзажи одухотворены и человечны: будь то изумрудные холмы древней Псковщины или тоска заброшенной деревушки; туманная Сорочь или пылающая красками осенняя роща; даже месиво разрезанной проселочной дороги сверкает прекрасной живописью.

“Знал он слабости, знакомые у нас”, - сказал Маяковский о самом знаменитом нашем земляке. Знает их и Дягилев. И великовата творческая пауза после изумительного портрета Д.С. Лихачева, назвавшего (и справедливо) Дягилева богатырем. И не утешает многолетнее сидение Ильи Муромца на печке...

ке...

“Иду на вы”, - говорил Дягилев, приступая к новому большому холсту. Давно уже не слышим мы заветную фразу. Ему что - он сказал свое яркое слово в русской живописи, застолбил неповторимое место. А каково нам, его друзьям и поклонникам? Нам хочется видеть его новые и новые работы, спорить и прозревать, негодовать и восхищаться. Понимаю - у него и денег-то нет на большой холст, да и тюбик красок уже пугает художников своим ценником. Ах, если бы умный богатый человек привез Дягилеву рулон плотного грунтованного холста! Он бы вместе с новой картиной вошел в историю города.

Лев Нецветаев

раннем детстве). Ах, где ты, то золотое время, когда и мои были такими же “вавашками” и вместе с дягилевскими отбивались в пионерлагере от неистовых сурских комаров? А он приглядывался к величественному силуэту Никольской горы, который дважды впоследствии всплыл в его исторических полотнах.

Нужно ли много говорить о его живописи, коли сам академик Лихачев назвал его кисть “копьем в руках Пересвета”? Нет в его работах мелкотемья и бытовизма; он эпичен по сути своей: от “Командарма Тухачевского” (1969), прочно вошедшего в историю Советской живописи, и до портрета Д.С. Лихачева, написанного через двадцать лет. Герои его произведений прежде всего высокодуховны. Даже в детских глазах великана “Микулы Селяниновича” (1974) светится глубокая мудрость человека, неотделимого от родной земли; более того, человечьи добр даже глаз коня, поблескивающий из-под тяжелой гривы.

У Пересвета же не видно глаз; и, как это ни огорчило меня поначалу, позже я понял: иначе нельзя. Пересвет здесь - не столько конкретный монах Троицкой Лавры, сколько символ неукротимого порыва Руси к свободе; любой психологизм свел бы эпос к персоне - и не стало бы эпоса.

Прекрасен трагический Пушкин перед роковой дуэлью; грязная решительность в лицах симбирских большевиков на фоне тревожных факельных сполохов (“Мятежный Симбирск” 1970), зато мягко лиричен юный Есенин над